

Съемки первой сцены с участием Ци Цина — знакомство в академии — подошли незаметно. Декорации те же, костюм тот же, но сам Ци Цин заметно нервничал, так что ладони даже вспотели.

Когда режиссер Ван наконец позвал его, юноша впопыхах бросился на площадку. Видимо, из-за чрезмерного волнения он не справился с эмоциями, и первый дубль провалился.

Во втором дубле он двигался скованно, точно деревянный истукан, и режиссер снова скомандовал стоп.

В третьем дубле — опять нервы, перепутал все реплики.

В четвертом — читал текст так безжизненно, что от его былой легкости не осталось и следа.

Так сняли шесть дублей подряд. То проблемы с позиционированием, то с камерой — мелкие и крупные неудачи сыпались одна за другой.

Режиссер Ван был сама печаль, но, проявив отцовскую доброту, попытался его приободрить:

— Цин-цин, для первой съемки волнение неизбежно, я не виню тебя. Вспомни, как хорошо ты смотрелся на пробах. Почему же перед камерой робеешь? Давай поступим так: пусть Ань Юй позанимается с тобой, а мы пока снимем сольные кадры с главной героиней.

— Хорошо, режиссер Ван, я постараюсь во всем разобраться, — юноша понурил голову.

Ван похлопал его по плечу:

— Я верю в тебя, иди. Начнем через час.

Вернувшись в зону отдыха, Ци Цин поник, словно прибитый морозом баклажан. Голова опущена, уши висят — ну вылитый грустный щенок. Этот вид сразу привлек внимание Цинь Ань Юя.

Ци Цин сидел на диване в одиночестве, окруженный невидимой грозовой тучкой, всем своим видом выражая великую обиду. Длинные ресницы подрагивали, как крылья бабочки, красивые глаза-виноградины блестели, словно чистейшие бриллианты, а пухлые губки были плотно сжаты, словно створки раковины, не желая произносить ни слова.

Пока он предавался унынию, перед ним возникла неожиданная фигура. Ци Цин поднял глаза: Цинь Ань Юй все еще был в сценическом костюме, и, возможно, от жары, на его лбу выступили мелкие капельки пота. От этого Ци Цину стало еще совестнее.

— Прости... я подвел тебя. Из-за меня столько дублей запороли, — с искренним раскаянием

начал Ци Цин. — Наверное, тяжело сниматься со мной...

— Уже опускаешь руки? — раздался сверху низкий голос.

— Не то чтобы опускаю, просто... я в растерянности. Хотя я парень смелый, но как только попадаю под прицел камеры режиссера Вана, начинаю жутко нервничать, — Ци Цин снова понуро опустил голову.

Цинь Ань Юй слегка улыбнулся:

— Не извиняйся передо мной. По количеству неудачных дублей я тебя превосхожу. Повторные съемки — обычное дело. В конце концов, не всегда удастся с ходу соответствовать требованиям режиссера. Однажды мне довелось играть с актером, который вообще не учил текст: помощник режиссера бегал вокруг с доской, на которой были написаны реплики. Я чуть со смеху не прыснул.

Ци Цин представил эту комичную картину, и уголки его губ невольно поползли вверх:

— Это и правда перебор.

— Без преувеличений, шоу-бизнес всегда неразрывно связан с популярностью и хайпом. Талантливые актеры боятся остаться в тени, а среди тех, кто постоянно на виду, полно бездарностей, — Цинь Ань Юй осторожно погладил Ци Цина по голове, словно успокаивая испуганного олененка. Мягкие пряди волос на ощупь напоминали шелк — гладить их было так же приятно, как пушистую макушку щенка, это вызывало привыкание.

Большая рука, словно легкий ветерок, медленно скользнула по волосам, принеся с собой приятную прохладу, отчего Ци Цин слегка вздрогнул. Движения были такими нежными, как весенний бриз, — они не причиняли боли, а напоминали ритмичную мелодию, приносящую покой. Внутри юноши внезапно всколыхнулась волна тепла.

— Когда я только начинал сниматься, у меня тоже было полно бракованных дублей. Режиссер раз за разом объяснял мне задачу, а потом, когда его терпение лопнуло, прямо сказал, что заменит меня, — негромко произнес Цинь Ань Юй, словно вспоминая события, которые произошли не с ним.

— И что потом? Тебя заменили? — Ци Цин захлопал большими глазами и подался вперед, как щенок, но Цинь Ань Юй мягко придержал его, сохраняя дистанцию.

Взгляд Цинь Ань Юя, глубокий и спокойный, как озерная гладь, устремился вдаль:

— Нет. Я доказал им, что могу сыграть эту роль достойно. Они не ошиблись в выборе.

В его голосе сквозила легкая гордость — возможно, он сам того не заметил, но для Ци Цина это прозвучало как неожиданный и приятный музыкальный аккорд.

— Так же, как я когда-то доказал это тебе, — Цинь Ань Юй посмотрел на него, и их взгляды скрестились, словно два жарких пламени — искренних и обжигающих.

Ци Цин замер, его мысли невольно вернулись в тот самый полдень в классе, к тому взгляду, который до сих пор не давал ему покоя.

— А как ты думаешь, я смогу сыграть хорошо? — осторожно спросил Ци Цин.

Цинь Ань Юй слегка улыбнулся, и в его ангельском облике словно промелькнуло божественное сияние:

— Ты должен спрашивать не меня. Задай этот вопрос себе и режиссеру.

— Я хочу знать твой ответ, неужели нельзя? — Ци Цин недовольно надул губы, совсем как упрямый ребенок.

В свете софитов этот улыбающийся, чистый и озорной юноша беззастенчиво испытывал его терпение.

Взгляд Цинь Ань Юя слегка затуманился. Он тихо рассмеялся:

— Если я скажу да, ты станешь играть лучше?

— Угу, — Ци Цин энергично закивал. Его шея покраснела, как спелое яблоко, а в глазах читалось ожидание.

Цинь Ань Юй беспомощно вздохнул:

— Тогда я верю, что ты справишься. Режиссер Ван не ошибается в выборе актеров.

Румянец волной разлился по шее до самых кончиков ушей.

— Если боишься камеры — смотри в нее чаще, пока страх не пройдет. Не помнишь текст — зубри. Не понимаешь — терпеливо спрашивай режиссера. Короче говоря, как только ты достаточно глубоко поймешь своего героя и во время игры согласишься, что ты и есть Чэнь Цайюнь, все остальное перестанет иметь значение. В этот момент все проблемы разрешатся сами собой.

Увидев, как разгладилось чело юноши, Цинь Ань Юй удовлетворенно улыбнулся.

— Господин Цинь! Я понял!

Юноша, легкий и грациозный, словно резвый олененок, подпрыгивая, оказался прямо перед ним.

Дун Сяньлинь слегка нахмурился и с изяществом, подобным бегущим облакам и текущей воде, поклонился:

— ...Милостивый государь, зачем же преграждать путь скромному ученому?

Услышав его голос, юноша в восторге, словно обретя сокровище, ухватился за его руку — и довольно крепко. Он защебетал, как шумная птичка:

— Эй! А ты из какого дома будешь? Раньше я тебя не видел! Ты такой красивый! Словно персик в цвету, так и хочется укусить! Поиграешь со мной? Где ты живешь? Как тебя зовут? Ну? Почему молчишь?

Юноша был белокожим, с нежными чертами лица, но при этом совсем не выглядел женственно. Ткань его одежд была высшего качества, а вышивка поражала тонкостью работы. Каждый стежок на его длинном халате выдавал высокое положение, заставляя невольно испытывать трепет.

Дун Сяньлинь почтительно ответил:

— Я Дун Сяньлинь из семьи Дун, что в Цинчжоу. Только что сдал уездный экзамен и прибыл в столицу для участия в государственных испытаниях. А вы, милостивый государь, тоже едете на экзамен?

— Экзамен? Что это такое? Звучит до ужаса скучно, — юноша захлопал глазами, украшенными пушистыми, как крылья бабочки, ресницами. Его кожа, белая и нежная, как застывшее сало, была даже изящнее женской, но четкие, волевые контуры лица добавляли ему мужественности. Соболиные брови и яркие глаза, подобные звездам в ночном небе, радовали взор.

— Братец, ты и правда очень красивый! Пойдем со мной домой, а? Пожалуйста! — озорно подмигнул юноша и радостно потянулся к его руке.

Дун Сяньлинь невозмутимо спрятал руки за спину, выпрямившись, словно сосна на вершине горы:

— ...Что это значит, милостивый государь?

В столице, конечно, поговаривали о мужской любви, но он и представить не мог, что до такой степени: среди бела дня, на глазах у всех, открыто приставать к прохожим.

— Потому что ты красивый. Вот я и хочу с тобой поиграть, — глаза юноши сияли, как восходящее солнце, излучая ослепительный свет.

Дун Сяньлинь, не понимая его намерений, осторожно произнес:

— Вы тоже весьма привлекательны.

Юноша замер, словно его парализовало заклинанием. Он несколько секунд переваривал услышанное, пытаясь осознать смысл сказанного:

— Это ты сейчас меня похвалил?

Дун Сяньлинь нахмурился, скрывая недовольство:

— Я лишь сказал, что вы, милостивый государь, красивы.

Ему не о чем было говорить с таким невеждой. Казалось бы, такой смысленный и милый на вид, а такой необразованный. Просто ни в какие ворота не лезет.

Юноша радостно рассмеялся, и в его голосе проскользнули капризные, почти ласковые нотки:

— Ты тоже красивый, и я красивый! Значит, мы должны играть вместе. Ты мне нравишься, поэтому ты обязан играть со мной!

Дун Сяньлинь, видимо, не уловил логики в его словах, поэтому просто спросил:

— Позвольте узнать ваше имя.

И, боясь, что тот не поймет, добавил проще:

— Как тебя зовут?

Юноша сиял, словно утренняя заря. Его красивые глаза сошлись в полумесяцы, на прекрасном лице расцвела улыбка, и он произнес:

— Меня зовут Чэнь Цайюнь!

<http://bllate.org/book/21461/2194669>